

Напомним читателю: наш «Кругозор» — это рассказ о культурной жизни одного города за одну неделю. В нем неизбежен элемент случайности: какие-то значительные события наверняка останутся «за бортом», ведь время командировки журналиста выбирается произвольно. И все же в случайности есть свой закономерный ритм. Там, где духовная жизнь действительно разнообразна, ни одной «пустой» недели, но идея, быть не должно. Итак, «Кругозор» — это своего рода моментальный снимок специально не подготовленной натуры. Сегодня в нашем объективе — Воронеж.

Оказавшись в Воронеже, я почувствовала некоторую растерянность. С одной стороны, моя задача вроде бы понятна: выяснить, какие возможности предоставляет город своему среднему жителю, имеющему достаточно высокие культурные запросы? Как может он провести здесь свое свободное время с пользой и удовольствием? Но как я ни старалась представить себе «среднего горожанина», его образ оставался размытым.

Справочники и путеводители сообщали мне, что Воронежем в этом году обильно юбилей 400 лет, что это старинный культурный центр с давними и прочными традициями, давший русской литературе множество славных имен (от Иолчова и Никитина до Маршала и Платонова), университетский город, где сегодня работают четыре театра, филармония, семь музеев, восемь крупных дворцов культуры, более 50 клубов, 13 кинотеатров, около 40 библиотек. Становилось ясно, что одному человеку с его средним показателем свободного времени со столь обширной программой не совладать. И тогда я решила поехать намеренно туда, где можно познакомиться с жизнью одного-единственного горожанина. И пусть будет несколько, имеющих разные пристрастия и увлечения. У каждого пусть будет свой маршрут досуга, и я не останусь только послушивать за ними и рассказывать о том примечательном и своеобразном, чем занято их свободное время. Итак, Воронеж, вечер, не занятый домашними и иными хлопотами и обязанностями...

НЕТ ЛИ «ЛИШНЕГО» ЗРИТЕЛЯ?

МАРШРУТ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Одна моего гостиничного номера выходила прямо на оперный театр. Неудивительно, что первый герой, который возник в моем воображении, был любителем сценического искусства. Я перешла улицу и через несколько минут очутилась у подъезда театра. Как журналисту мне полагался пропуск, но я беспокоилась за моего воронежца: он-то как попадет на спектакль, тем более что афиша извещала о премьеры — одном из первых представлений оперы «Виага, Россия!», приуроченной к юбилею города. Впрочем, ни один ждавший лишнего билета мне на глаза не попался. Наоборот, наскризы за своими окошками скачали в ожидании «лишнего» зрителя. Я поняла, что проблем у моего героя не будет — ни при входе в театр, ни в самом зрительном зале, где в партере можно было запросто выбрать место себе по душе, хоть в первом ряду, хоть в десятом.

Поначалу я решила, что причиной тому спектакль, одна из тех неравных, на живую нитку сшитых постановок, что выпускаются порой и далами. Расплавившись, шаблонное либретто, далекая от оригинальности режиссура, иллюстративные, банальные декорации — все это явно не предполагало того эпического масштаба, без которого так велика Россия, мушкетер с гением Петран, оборачивалась лишь добросовестным нравственным уроком о строительстве в Воронеже первого русского флота. Масштаб, который, кстати, был задан сценарной, яркой музыкой Геннадия Ставинкина и услышан лишь исполнителем партии Петра I Леонидом Никольским. Оговорив эти дела не меняет спектакль был счастлив.

Негоже судить о театре по одному спектаклю, в конце концов от проходных работ не застрахован никто. Но когда в работе изначально нет неземной мысли, когда установка явно делается на копирование давно знакомых приемов, поневоле видишь в единичном случае пренебрежение к ситуации, когда горожане с опаской прохлывают кассы своего оперного театра.

Несколько поколений воронежцев выросло на искусстве оперетты: с 1931 года актеры формировали сильный театр музыкальной комедии. Этой приверженностью и легкому жанру многие объясняют холодность к опере и балете. Но воронежцы помнят и другое: когда в 60-е годы на базе старого театра начал складываться новый, оперный, интерес к нему был огромным. Были крупные, яркие индивидуальности: дирижеры Людмила, Вощак, режиссер Штейн, умевшие воодушевить и актеров, и зрителей. Наш герой с грустью вздыхает о тех временах, когда в оперу бегали, как в родной дом, по многу раз на один и те же спектакли. Зарождалась новая для города плодотворная культурная традиция.

В какой момент театр потерял заработанный было авторитет, теперь уже ска-

ГОРИЗОНТЫ ДУШИ

зать трудно. Но это произошло. Зритель вообще жесток и сиор на измену. И ныне, похоже, завоевывать доверие публики нужно заново. За годы «безвременья» упущено целое поколение зрителей, которое сегодня, повзрослев, должно было бы составить костяк постоянной аудитории. И вернуть их в театр уже очень сложно, ведь, как утверждают социологи, тяготение к музыкальному театру складывается в юности. Равнодушие публики не могут преодолеть даже и яркие постановки (нередко, но все же и они случаются).

...Чтобы сгладить грустное впечатление от премьеры оперы, наш воронежец спустился несколько дней, с той же легкостью купив билет, идет на «Одиссею», сравнительно новый балет. Еще не зная, каков будет спектакль, он уверен, по крайней мере, в одном: его ждет встреча с артистами высокопрофессиональными. Под боком у театра — свое хореографическое училище, а значит, есть постоянный резерв сил для пополнения труппы лучшими выпускниками. Но, рассчитывая на минимум, наш герой встретится с приятной неожиданностью: свободная, уверенная пластика солистов на сей раз воплощает остроумную, изобретательную постановку Рената Ибатуллина по мотивам гомеровской поэмы. Своеволью слетает комическая и драматическая темы, хореограф строит свой спектакль как причудливый переплет не пересказываются языком балета, но дают лишь интуитивно-размышлений о судьбе людской, о ее соотносительности со временем, о непреодолимых ценностях бытия. Легкая, поэтически условная ткань танца находит свой живописный эквивалент в лаконичной простоте сценографии, поддерживается экспрессивной игрой света (художники Г. Курьяндская, Е. Жигулина). Словом, зритель «Одиссею» слушать не придется... но где же зритель? Оглядываясь вокруг себя, наш герой видит вновь пустующий партер, а на балкон лучше и вовсе не смотреть...

Увы, один, два, даже несколько удачных спектаклей в столь сложной ситуации престиж театра не поднимут. Не спаст и актеры. Если бы театр мог, как встарь, держался на одних исполнителях, дирекция Воронежского оперного, наверно, не знала бы забот благодаря таким певцам, как Г. Никольский, С. Каданцев, Ф. Себар, А. Тырзу, И. Монастырник, таким танцовщицам, как Т. Хатунцева, А. Головань, М. Леонкина (мой список, наверно, неполон). Но этот творческий потенциал должен быть приведен в действие. В наши дни театр создается лидером, исповедующим собственное эстетическое credo и своей творческой волей увлекающий и труппу, и зал. Да где взять таких руководителей? Режиссерские и дирижерские таланты редки, ни в плановом порядке все города не обеспечены.

Можно, конечно, на том и успокоиться: на нет и суда нет. Но можно ведь и попытаться судьбу переиграть, приглашая, скажем, начинающих, пусть еще не известных постановщиков. Кому и идти на риск, как не такому театру? Кстати, один эксперимент — по «балетной части» — здесь уже предприняли несколько лет назад, когда назначили главным балетмейстером Рената Ибатуллина. И ведь, по-видимому, не ошиблись. Репертуарные планы обещают обновление балетной

афиши новыми оригинальными постановками. Ну, а опера ждет поста своего часа.

Ждет и академический театр драмы. Правда, чтобы попасть на спектакль, нашему герою пришлось бы побеспокоиться заранее: зритель сюда заходить не приходится. А «гвоздь сезона» — постановка «Человеческого голоса» Жана Кокто — идет на аншлагах. Людмила Крацова играет моноспектакль, ею же и поставленный вместе с Ю. Лактионовым, играет драму, почти эстетическую для современного зрителя, когда крушение любви разнозначно отражу всей жизни.

Крошечный квадратик фойе, огороженный тремя рядами стул ев, и середине в нежном розовом свете света женщины и телефон. Женская фигура в черном — словно обумавшимся знан горящего пожара — и безучастный мужчина, одинаково послушный вестнику добра и зла. Никаких актерских ухищрений — только глаза и глуховатый, низкий голос ведут тему нарастающего отчаяния. Лишь несколько раз безысходная боль обхватит себя в ирине — и опять спрячется в подтекст, в переплеты тихих интонаций, в тонкое кружево психологических нюансов. Но исподволь возникает и крепнет ощущение, что душа человека открывается перед собой нараспашку, что свободно, как интуитив, ты читаешь историю женской судьбы и беды.

Только мастеру дано вызывать такую энергию соперничества в зрители. Но мастеру этому, к сожалению, нечасто выпадает случай играть в полную силу: мало в театре спектаклей, которые дарят актерам радость настоящего творчества. Проблема та же, что и у соседа — оперного театра: сильная труппа вот уже несколько лет без настоящего лидера. Впрочем, зритель драмы не жалуется. Чтобы он не заскучал, здесь наращивают в последнее время развлекательно-занимательный репертуар. Касса требует жертв, но цена их — это сознание и артистичность, и актеры — высока. Высокотелый зритель из театра понемногу уходит, вот симптом: один из лучших спектаклей последнего времени — «Виноград» в постановке Москвина Романа Виктюка — особым успехом не пользуется.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ НОВОЙ МУЗЫ

МАРШРУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ

Если верить прогнозам, видеотехника уже к началу нового столетия прочно войдет в наш повседневный обиход и перекроит привычный досуг не менее решительно, чем это сделало телевидение в 60-е годы. А будущие истории новой волны музыки начнут свои труды с указания на то, что у нас она провела свое раннее детство в Воронеже. Во всяком случае, здесь первыми в стране начали выпускать видеоманифоты и первыми получили возможность покупать их — тоже в первом магазине, или торгующем,

Значит, уже сегодня многие воронежцы могут примерить к своему домашнему быту заманчивую мечту об увлекательном видеодосуге.

Итак, предположим, что наш следующий герой весной этого года, накопив предварительную солидную сумму денег, стал владельцем видео. Что отныне изменится в жизни — его и домохозяйцев?

За отводом отправляюсь в магазин «Электроника». Набор кассет здесь, прямо скажем, небогат. И активных покупателей не видно. Все ясно — дороги. Наш герой, накопивший тысячу двести на видеоманифоты, все же живет на зарплату и вряд ли в состоянии тратить, скажем, ежемесячно по 60—100 рублей на кассеты, когда у него в самом большом магазине посмотрит два два, ну, от силы пять, после чего, по-моему, и хороший фильм вызовет крапинки на нервной почве. Чалодские тоже больно бьет по карману: мультисборник — 50 рублей. При таких условиях видеотехника превращается в слишком дорогую игрушку, позволяющую себе могут немногие.

Воронеж и тут пионер: он первый предложил выход из этого тупика. Идея видео-сейчас сейчас никого не удивит, а ведь осуществилась она именно в Воронеже, и всего год с небольшим назад. Срок малый, но пишу для размышлений уже дает. Тут интересен и сам принцип видео-

салона, и его роль в городе среднего масштаба. Воронеж — не Москва, где новая техника, отечественная и японская, есть уже у многих и где поэтому идет самый оживленный обмен кассетами. Здесь же салон, пожалуй, — единственный источник разнообразия видеинформации. Словом, наш герой решил стать — какой термин тут подходит? — называем его абонентом видеотеки. Таких посетителей здесь ежедневно 30—50 человек. Цифра неточная, так на глаз прикидывают любезные хозяйки салона (опять же, как их назвать — видеотекари, что ли?).

Если же у вас нет пока приставки и телевизора, приобрести и видео можно в маленьком просмотром зальчике на двадцать человек. Обстановка там совсем домашняя, вроде той, наную некогда, лет тридцать назад, можно было видеть вокруг первых телевизоров, когда на просмотрах передач набивалась полная комната соседей, приятелей, родственников. О показах сообщают радио, газеты, афиши и даже на досках объявлений и телеэкранов в этих просмотрах — те же фильмы, что и в обычных кинотеатрах! Но зал не пустует: интересно, необычно, ново. А раз есть интерес, стало быть, надо его поддерживать, не забывая при этом, что видео — это все-таки не кино и не телевидение, хоть и ближайšie они родственники. Значит, нечего ему копи-

Воронежские музыканты-любители счастливей других, у них есть редкая возможность — играть в симфоническом оркестре. В сущности, любой из этих шести —десяти человек мог бы стать нашим героем: и математик, и обобщик, и заводской лабораторией, и инженер-конструктор, и слесарь. Ни один из них, надо думать, не прохладится на своей основной работе, а все же есть у них такая потребность души — в свободное время вновь трудиться. Ведь оркестр — это труд. Творческий, и оттого в радость, но от этого не менее серьезный, требующий сил, времени, собранности, дисциплины. И даже самоотверженности. Потому что оркестр выбрал себе нелегкую долю.

Картина с натуры. Приезжает любительский оркестр в деревню. Летний мороз. Народу в клубе нет. Фортельно тоже нет. Дирижер упрямости председателя колхоза одолжить для выступления свое пианино, тот подкидывает и перекрестком. Согласие получено, мужики тащат по сугробам инструмент в клуб... Похоже на завязку для кинокомедии, но тут жизнь, будни, привычные для оркестрантов записки. Бывают разные, а финал, как правило, один: переполненный зал, горячие аплодисменты, просьбы повторить выступление на другой день.

Это, кажется, смахивает на фантастику. Впрочем, нам ведь не с чем сравнивать. Воронежский коллектив уникален (если и есть подобные, их единицы), и вот уже двадцать пять лет своим существованием ставит в тупик скептиков.

В том и дело, что музыканты-любители во главе со своим бессменным руководителем Л. Сафоновым едут в самые глухие уголки, где их, честно говоря, не ждут с распростертыми объятиями. Едут бездорожью и в непогоду, выступают в случайных помещениях. Профессионалам для такой поездки пришлось бы отказаться от сложных программ, доступных лишь искусственному слушателю; известный пианист не вправе предпочесть концертному роялю плохонькое клубное пианино. Для любительского оркестра подобных препятствий не существует. И это ничуть не умаляет его достоинства. Пусть он располковывает азбучные истины, но зато с помощью произведений Чайковского и Римского-Корсакова, Моцарта и Мендельсона Пусть исполняет музыку, которая доступна каждому, но ведь это высокая, серьезная музыка.

Найдено вариант оптимальный — никем не занятая творческая территория, точно угадана своя аудитория. (Четверть века — убедительный срок, чтобы это подтвердить). И работы оркестру хватит надолго.

рывать чужое, свою индивидуальность надо античной высылать.

Между прочим, книгу отзывов в этом смысле бесполезно читать почаще. «В дождливую, ненастную погоду так было бы приятно посидеть в теплой уютной комнате и смотреть любимые фильмы». Это инженер развивает аналогично видеотека-библиотека: почему бы не устроить небольшие просмотровые кабинки, нан бы читальный зал, где сам себе выбираешь картинку из тех, что сошли с экранов, но в котором хочешь порой возвращаться так же, как прерывавшая дорога тебе книги...

Но это — мечты. А что реально на сегодняшний день? Выбор в видеотеке во много раз больше, чем в магазине: 400 названий. Интересны ли они среднему воронежцу? Судя по статистике салона, любитель должен испытывать активное пристрастие к приключениям, музыкальным, комедийным и детским фильмам.

Однако цифры лукавят: доверся им следо — можно решить, что воронежец весьма равнодушен, например, к зарубежным кинофильмам: берет их мало, значит, неохотно? Цифры объяснит цифра же: в день моего визита абоненту предлагалось всего... пять иностранных картин.

Можно быть довольным или недовольным вкусом зрителя. Но закрывать на них глаза — нельзя. Зритель хочет больше эстрадных программ, причем не дублирующих телевизионные. Как быть? Сделай вид, что эстрадного бума не существует? Так ведь спрос найдется себе предложение (уже находит) и спекулянт. Вряд ли кого-нибудь (кроме спекулянтов) может устроить такой поворот. Считаться со зрителем придется, иначе как же найти с ним общий язык?

ДОСУГ ДЛЯ СКРИПКИ С ОРКЕСТРОМ

Отдых бывает разный. От предельно пассивного — часами глядеть в телевизор, что ни покажут, до предельно активно — сам играю, пою, танцую, рисую. Первый вариант, он же самый простой. Установа на потребление: развлеките меня! Сделайте мне красиво и весело! Имею, мол, право, потому что я свое отработал. И все тут. Но все ли на самом деле? Неужто только на работу хватает человеческой активности? Все же мне хочется представить нашего нового героя личностью активной, человеком, творчески использующим свое свободное время. Скажем, любит он играть на скрипке или трубе. Мы можем вслед за ним прийти на репетицию...

По статистике, из десяти выпускников музыкальных школ лишь один становится профессионалом. А где использовать свои навыки оставшимся девяти? Или тем, кто раньше играл в детском оркестре? Куда, наконец, податься способным самоучкам?

Инсценировками Илфа и Зощенко, Блока и Вознесенского ТМ донесал свое право на высокую сатиру и высокую поэзию. Постановки «Блондиную книгу» Гринина и Адамовича, «До третьих петухов» Шунгина (раньше, кстати, чем взгляды за них «настоящие» режиссеры), «Смерть Тарелкина» Сухова-Кобылина, «Шинель», он подтвердил, что стал театром в истинном смысле этого слова.

Но как о несбыточном для себя чуде

мечтают тазомовы о заботе, которой окружена самодеятельность например, в уральских вузах: ведь руководство ВГУ и слышать не хочет о своем театре. Идет странный эксперимент на выживание. Пугающего вида зальчик, где проходит репетиция, закуток для реквизита и костюмов, крохи, выделяемые на постановки, — все это богатый материал для пера сатирика. Кажется, сделано все, чтобы театр не смог жить дальше. Как он умудрился в этих условиях показать 27 постановок примерно 50 тысячам зрителей, упорно продолжая и сейчас давать по тридцать представлений за короткий, как во всяком вузе, сезон, — загадка.

О безвестном положении ТМ не раз писали и молодежная газета, и университетская многотиражка, но в кабинетах ректората и кабинетов страждущих преподавателей, где их, как правило, и расчитывают, если смета на культурную работу в университете, как подсчитала ответственная за эстетическое воспитание в парткоме ВГУ Л. И. Дзюнова, за десять с небольшим лет сократилась почти в восемь раз!

Тут уж не частное дело университета, а, пожалуй, дело чести самого города — испуститься за одаренных, ищущих людей. Ведь от таких, как они, во многом, если

не всецело, и зависит духовный климат города. И создаетва им режим максимальной благоприятствования, город многократно окупает свои усилия. Лишний раз мы убедимся в этом, если вместе с воронежскими любителями искусства

Библиотека ничего не планирует на долгие вперед и в деталях. Жизнь непредсказуема, но ее неожиданные требования зрель не умеет рассчитывать. Сюда не входят стрессы на организационные мероприятия. Но телефон на столе у директора при мне звонил бесперывно: «Что у вас сегодня вечером?» «Мы распространяем «хорошую инфекцию», — смеется Алесина Алексеевна, — она, представьте, заражает не меньше, чем дурная».

ПОПДЕМ В ЧИТАТЕЛИ

МАРШРУТ ДЛЯ КНИГОЧЕЯ, НО НЕ ТОЛЬКО

Как-то неловко не упомянуть о библиотеках, коль скоро речь зашла о духовном климате. А с другой стороны, называть цифры — 418 библиотек в Воронеже, 27 миллионов книжный фонд, что в 5—9 раз выше норм на одного потенциального читателя, — тема исчерпана. В конце концов, библиотеки, в том числе и хорошие, есть повсюду, а нас-то интересует специфически «воронежское».

то меня ждало то особенное, что я искала для нашей рубрики, — музыкально-театральную библиотеку, в местном лексиконе именуемую фонотекой.

Кому нужны такие специальные библиотеки? Принято считать, что специалистами же: актеры, музыканты, художники. Совершенно верно, чтобы воронежцы так уж резко отличались от жителей других городов повышенным пристрастием, к искусству, только они более чем охотно ищут в свою фонотеку, открытую для всех. Двадцать семь лет уже, как приходят, и стар, и млад.

...27 лет назад, когда необычная идея только родилась, дело взяла в свои руки Алесина Алексеевна Шмакова. Руки были надежные: фронтовая закалка сизалась сразу. И очень пригодилась, когда долгие годы вплоть до не столь уже давнего времени приходилось Шмаковой отстаивать свое понимание дела, которое иные руководящие инстанции дружно старались втиснуть в привычные рамки. Она упрямо твердила, что необычная идея должна и воплощаться не в обычных формах. Стать простым пунктом выдачи литературы — эта перспектива была отвергнута с самого начала. Библиотека, оставшаяся хранителем книг и нот, начала понемногу превращаться еще и в клуб, и в фонотеку, и в лекторий, хотя привычные эти ярлычки мало что объясняют, взятые в отдельности, суть в том, что одно дополняет другое.

Не так давно социологи проводили опрос аудитория воронежской филармонии. На вопрос: «Где вы впервые встретились с серьезной музыкой?» очень многие отвечали: «В фонотеке». Двадцать семь лет назад здесь был единственный проигрыватель. Теперь — целый зал, где одновременно могут слушать стереозаписи тридцать человек. Вам нужна фонограмма для любительского спектакля? Вы любите слушать музыку дома, в одиночестве или в кругу семьи? Небольшая сумма — всего 17 копеек за минуту звучания — и японская аппаратура запишет для вас все, что душе угодно. Это пока эксперимент, начатый в этом году, — платные услуги. Но судя по тому, как бойко он идет, можно сказать, что в фонотеке опять, в который раз, угадали назревшую потребность.

Эксперимент — стиль работы библиотеки, и первую очередь ее директора. Очередная идея обычно возникает из стремления обратить в свою пользу тех, кому невдомек радость общения с искусством. Поначалу заронить хотя бы искру любопытства, от которой возмет начало цепная реакция интереса. Тут противоположная сложна и необходима терпимость. — Любит, слышит, молодой «эстраду» — прекрасно, в библиотеке охотно идут навстречу. Маленький уютный амфитеатр во выставочный залчик идет поклонников Анны Герман или Дианы Лемкина на «вечер диско». С небольшой, однако, поправкой. Первое отделение будет отдалено серьезной музыке. Маленькая хитрость себя оправдывает: многие из тех, кто пришел и начал только чтобы занять место в выставочном зале, постепенно становятся гостями посещаемых вечеров канональной или симфонической музыки. Прочие останутся «при своем», но и это не плохо: их впуску в эстрадную искусство постарается уберечь от пошлости.

Библиотека ничего не планирует на долгие вперед и в деталях. Жизнь непредсказуема, но ее неожиданные требования зрель не умеет рассчитывать. Сюда не входят стрессы на организационные мероприятия. Но телефон на столе у директора при мне звонил бесперывно: «Что у вас сегодня вечером?» «Мы распространяем «хорошую инфекцию», — смеется Алесина Алексеевна, — она, представьте, заражает не меньше, чем дурная».

И слушаю ее и думаю, что, пожалуй, не менее заразительная и подлинная интеллигентность. Есть в ней какая-то притягательная сила убежденности в том, что истина — это можно, столь необходимая юным, не окрепшим еще душам, чьи критерии — нравственные и эстетические — только формируются. И как важно, чтобы свободное время молодых — да разве молодых только! — людей проходило под знаком этой интеллигентности. Как важно, чтобы рано или поздно человеку помогли осознать, что свободное время — это богатство, которым в равной степени одарен каждый. Что от каждого зависит, как он сумеет им распорядиться: пренебрежит ли бездумно, пустит ли на ветер или обратит в рост — свой рост как личности. И то, что мы видим в сфере общественного досуга, должно измеряться этим критерием: есть ли нет потенциал для развития личности.

Вот тут, пожалуй, точка пересечения всех наших воронежских маршрутов. Досуг, не поглощенный одними лишь бытовыми заботами и приятным ничегонеделанием, досуг, раздвигающий узкие рамки частной жизни одного человека, открывающий ему широкие горизонты мира прекрасного — мира культуры. Таким хочется его видеть.

Неделю в Воронеже провела Г. ЧЕРМЕНСКОЯ. Фото М. Вазюкова.